

Автор (в центре), далее слева направо: Гарланд Никсон, Питер Хензелер, Маша Хензелер, Кирилл Соколов, Огюст Максим и Александра Мадорная - ресторан Cantinetta Antinori в центре Москвы, 8 ноября 2025 г.

Клевета

Гилберт Доктороу обвинил меня в «клевете» (распространении ложных и порочащих сведений о человеке с целью нанести ущерб его репутации). Я предоставляю вам, читателям, право самим решить, так ли это.

Скотт Риттер

втр 02 дек 2025

Cantinetta Antinori — это итальянский ресторан высокого класса, расположенный в центре Москвы. Персонал здесь чрезвычайно вежлив, а меню предлагает изысканный выбор блюд итальянской кухни — такую, что, стоит лишь позволить себе раствориться в тёплой атмосфере ресторана, легко можно ощутить себя где-нибудь в самой Тоскане. А о винной карте и говорить нечего...

В дальнем левом углу *Cantinetta Antinori* есть столик, который три раза в период с октября по ноябрь этого года служил местом для такого интеллектуального общения, о каком обычно читаешь лишь в произведениях Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», Роберта Болта «Человек на все времена» или Эдит Уортон «Эпоха невинности». Под руководством Питера Хензелера, швейцарца по происхождению, бизнесмена, ставшего журналистом, который живёт в Москве со своей прекрасной женой Машей и издает онлайн-журнал *Forum Geopolitica*, предлагающий «независимые комментарии о расколоте мире», эти ужины превращались в глубокие философские беседы о природе добра и зла (в духе Булгакова), моральных и этических конфликтах (по Болту), а также в социальные наблюдения и критику высшего общества России, которые могли бы вызвать одобрение у светских сплетников из произведений Уортон.

Эти ужины совпали с периодом, когда некий ворчливый человек по имени Гилберт Доктороу подверг меня и некоторых моих коллег очень резкой и язвительной критике за нашу работу по освещению вопросов, касающихся современной России.

Доктороу называет себя «русистом» (то есть «профессиональным наблюдателем за Россией и участником российских событий»), чьи заслуги, помимо десятилетий личного опыта жизни в Советском Союзе и России, включают в себя «окончание Гарвардского колледжа с отличием (1967), стипендиат программы Фулбрайта и докторскую степень (Ph.D.) в области истории в Колумбийском университете (1975)».

Обычно я склонен сотрудничать с человеком, обладающим подобной биографией, по простой причине: он видел и делал то, чего не видел и не делал я, и мог бы интерпретировать эти события сквозь призму эрудиции, сформированной как академической средой, так и практичностью, которая приходит с личным опытом. За время своего пребывания на этой планете я пережил немало — достаточно, чтобы понимать: я пережил далеко не всё, что стоило бы пережить. Поэтому я всегда жажду тех взвешенных, информированных инсайтов, которые люди с отличным от моего опытом могут привнести в широкий круг обсуждений, дебатов и диалога, столь необходимых для истинного просветления.

Я всего лишь простой морской пехотинец. Я не закончил Гарвард с отличием *magna cum laude*, но всё же окончил Франклин и Маршалл колледж (Franklin and Marshall College) с отличием по русской истории (хотя в то время я играл в футбол и пил пиво, что повлияло на мою способность усваивать часть того, чему меня учили, включая значительную часть русского языка, который я изучал два года).

У меня нет докторской степени Колумбийского университета. Зато у меня есть два года практического опыта — я помогал внедрять сложную систему контроля за соблюдением договоров по вооружениям за пределами советского завода по производству ракет в отдаленном регионе Советского Союза, примерно в 750 милях к востоку от Москвы (я люблю называть такой опыт «докторской степенью жизни»).

Я полностью осознаю как свои слабости, так и свои возможности. Я стараюсь компенсировать первые и максимально использовать вторые. Для этого я общаюсь с людьми, которые имеют схожие склонности.

К сожалению, Гилберт Доктору не разделяет такого подхода. Наши разногласия разгорелись на глазах у публики, когда Доктору обвинив меня в "клевете" за то, что я назвал его «идиотом» и «куском дерьма».

Сначала позвольте мне признать себя виновным по предъявленным обвинениям: да, я действительно сказал так о Гилберте Доктору. Я подтверждаю свои слова и лежащие в их основе чувства. Возможно, я мог бы быть более дипломатичным в своей критике, но, как я уже отмечал, я всего лишь простой морской пехотинец и склонен публично высказывать критику в терминах, более подходящих для казарм, чем для общественности.

За это я приношу извинения перед общественностью.

Но не перед Доктору.

Ничто не происходит в вакууме.

Гилберт Доктору

Непосредственной причиной конфликта между Доктороу и мной стали его комментарии по поводу выступления президента России Владимира Путина в Валдайском дискуссионном клубе 2 октября этого года.

Доктороу использовал высказывания Путина как фон для того, чтобы навязать свою собственную оценку: по его мнению, президент России не только оказался неудачником, но и слаб, и подвержен смещению с власти силами инакомыслящих внутри своего правительства.

Я назвал это «чушью» и пренебрежительно охарактеризовал оценку Доктороу как оценку «идиота».

Но эта «клевета», как ее называет эрудит Гилберт Доктороу, — лишь верхушка айсберга.

Его «анализ» повторяет нарратив, который уже некоторое время продвигается британской разведкой и её агентами/посредниками. Это крайне опасный нарратив, как показал июнь 2023 года, когда Евгений Пригожин возглавил свой неудачный «марш на Москву», якобы по поручению бизнес-элиты из Лондона, которая обещала ему «московский Майдан», если его силы «Вагнера» смогут оккупировать Манежную площадь в самом сердце российской столицы.

Я хорошо знаю прошлое Доктороу, связанное с «бурными 90-ми» и подъемом коррумпированного класса российских олигархов, которые сегодня нашли убежище в Лондоне, где ежедневно строят заговоры против президента Путина и российского народа.

Я не верю в совпадения и уважаю интеллект Доктороу в достаточной степени, чтобы полагать, что он осведомлен об этой лондонской злодейской деятельности и о последствиях открытого союза с их работой.

Доктороу находится на службе у Британской разведки (MI6) и её изгнанных российских покровителей?

Не могу сказать.

Но человек, который обосновался в Бельгии — логове натовского чудовища — на протяжении последних десятилетий, не может считаться свободным от влияний тех, от кого зависит его повседневная жизнь. Доктороу достаточно умен, чтобы, так сказать, не попасться с поличным. Но его задача как «кремлеведа» состоит не в том, чтобы открыто заигрывать с врагами России, а в том, чтобы помочь в дискредитации России и ее руководства с помощью нарративов, замаскированных под видом давнего «друга» России.

По крайней мере, так мне подсказывает мое «чутье».

Одно из того, что меня беспокоит больше всего, — это то, как Доктору использовал платформу, предоставленную моим хорошим другом и коллегой, судьей Эндрю Наполитано, для нападок на тех, кто не согласен с его анализом. Доктору часто выступает в качестве гостя на популярном подкасте судьи Наполитано *Judging Freedom* («Судья Свободы»).

«Я являюсь аутсайдером, который служит наглядным примером того, что программа открыта для разнообразия мнений, — если не больше, — поскольку ни один из её гостей не соглашается с моими позициями по тем или иным вопросам, касающимся России», — писал Доктору.

Это справедливо.

«Да и почему они должны соглашаться?», — спрашивает Доктору. Его ответ на этот вопрос стал причиной его гибели:

"Кроме Рэя (Рэй Макговерн, бывший аналитик ЦРУ и известный эксперт по России, который также является моим дорогим и близким другом) и меня, ни один из гостей этого канала не является экспертом по России."

Как я уже сказал, у меня нет столь высоких (и неоднократно рекламируемых) академических заслуг, как у Гилберта Доктору.

Я простой морской пехотинец, который получил диплом по истории России и вскоре после окончания учебы опубликовал статью в *Soviet Studies*, ведущем научном журнале того времени, посвященном советской тематике, под редакцией уважаемого историка Джона Эриксона.

Который затем опубликовал продолжение этой статьи о советской истории в Журнале современной истории.

И еще одну статью о преобразовании советской оборонной промышленности, опубликованную в журнале «Problems of Communism» ("Проблемы коммунизма")

Который был напрямую принят в разведывательное подразделение Корпуса морской пехоты по приказу командующего Корпусом морской пехоты благодаря моим знаниям в области советских исследований.

Который помог преобразовать тактику и операции, используемые морской пехотой, чтобы лучше противостоять советской угрозе, погрузившись в операции и тактику советской армии.

Который был отобран для работы в Агентстве по инспекциям на местах, подразделении Министерства обороны, созданном для реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, и стал первым американским инспектором на территории Советского Союза после вступления договора в силу в июле 1988 года.

Который получил признание на национальном уровне за свой анализ Советского Союза, в том числе две секретные благодарности от директора ЦРУ.

Я первый признаю, что термин «эксперт» часто используется не по назначению и применяется к людям, которые, возможно, не заслуживают этого звания.

Я всегда говорил, что есть два способа стать «экспертом».

Во-первых, это наличие реальных знаний, полученных в результате серьезного изучения и накопления знаний и опыта на протяжении долгого времени.

Я закончил колледж в мае 1984 года, а в июне 1988 года уже был в Советском Союзе.

Между этими двумя событиями прошло всего четыре года.

Малькольм Гладуэлл в своей книге «Outliers» ("Гении и аутсайдеры") говорит о «правиле 10 000 часов», а именно о том, что для того, чтобы по-настоящему стать экспертом, необходимо не менее 10 000 часов практики.

Если сложить все время, которое я потратил на изучение русской истории, культуры, литературы и языка в колледже, а также время, которое я потратил на исследования и написание опубликованных мной статей, а также на изучение советских операций и тактики, то, думаю, к моменту, когда я ступил на советскую землю, я приблизился к отметке в 10 000 часов.

Но я бы не назвал себя экспертом в то время.

Настоящими экспертами были советские офицеры по международным вопросам, такие как генерал Роланд Лажой и полковники Дуглас Энглунд и Джордж Коннелл, с которыми я работал в Советском Союзе. Эти люди посвятили годы своей жизни не только изучению Советского Союза, но и практическому применению своих знаний в качестве военных атташе при посольстве США в Москве.

Но существует и другой способ получить ярлык «эксперт», и это — быть первым, кто когда-либо что-то сделал, потому что в этот краткий, сияющий момент вы единственный человек, кто это сделал, и, следовательно, автоматически становитесь величайшим в мире «экспертом» по этой теме.

Я горжусь тем, что я и несколько других американских патриотов были пионерами в области инспекций на местах в сфере контроля над вооружениями. Мы буквально написали книгу об инспекциях на местах.

В Советском Союзе.

Что позволяет мне, не опасаясь противоречий, называть себя «экспертом», по крайней мере, в том узком смысле, в котором это слово применяется в данной ситуации.

Более того, когда я завершил службу в Агентстве инспекций на местах, я был горд тем, что генерал Лажуа, полковник Энглунд и полковник Коннелл все номинировали меня на должность офицера по советскому региону, отметив, что мои два года практического опыта дали мне уровень знаний и опыта, о котором большинство офицеров по региону могут только мечтать.

Я оставляю другим право решать, заслуживаю ли я звание «эксперта» в том, что касается моей деятельности в России. Я сам себе это звание не присваиваю (предпочитаю, чтобы меня называли «специалистом»).

Я не принижаю академические достижения Доктору во время его пребывания в Колумбийском университете, когда он в 1971-72 годах рылся в российских государственных архивах, исследуя историю реформ Государственной думы на фоне поражения России в русско-японской войне 1904-05 годов.

Это сопоставимо с моими собственными исследованиями антисоветской деятельности Ибрагима Бека и племени Локай в 1922–1931 годах с точки зрения их актуальности для сложной реальности современной России, особенно в контексте специальной военной операции.

«Введение парламентских институтов в России во время революции 1905–1907 годов» может быть более интересным для чтения, чем «Заключительная фаза ликвидации антисоветского сопротивления в Таджикистане: Ибрагим Бек и басмачи, 1924–1931 годы».

А может и нет.

Я оставляю право выбора тем, кто решил прочитать обе работы.

Но я бы никогда не стал оспаривать компетентность Доктору в вопросах, касающихся России.

Но я возмущен тем, что Доктору бездумно отвергает мой опыт.

"Ни один из них не знает больше трех слов по-русски."

Обычно я бы не стал возмущаться по этому поводу. Я очень хорошо себя знаю и понимаю, что никогда не войду в историю как выдающийся лингвист.

Я ежедневно борюсь с базовым английским (не смейтесь — это правда. Я был ребенком военного, и мы переезжали каждые два года. Я никогда в жизни не изучал грамматику английского языка, в новую школу я приходил уже только для того, чтобы изучать литературу или учиться писать. Я умею читать и писать — просто не могу делать синтаксический разбор предложений).

В колледже я испытывал трудности с изучением базового и среднего уровня русского языка. В качестве оправдания могу сказать, что в то время я играл в футбол и пил пиво, но на самом деле я не владею базовыми грамматическими правилами, что делает изучение такого языка, как русский, который изобилует сложными грамматическими правилами, невозможной задачей. Профессор Дайан Сэндс, вероятно, поставила бы мне неуд, если бы к ней не обратился мой научный руководитель с просьбой проверить мой перевод советских военных журналов. Профессор Сэндс спросила меня, кто сделал этот перевод, и я показал ей свою рабочую тетрадь, где я переводил каждую страницу слово за словом, что было трудоемким и длительным процессом. Она чуть не расплакалась, когда увидела, сколько усилий я вложил в попытку выучить русский язык, и поставила мне «тройку», хотя я заслуживал гораздо худшей оценки.

Меня уволили из Агентства по инспекциям из-за недостаточного владения русским языком.

Мне удалось вновь заслужить расположение командования, но перед отправкой в составе передовой группы инспекторов в Советский Союз в июне 1988 года мне было предписано пройти обязательный двухнедельный курс по совершенствованию русского языка. Моя преподавательница, опытная русско-американская лингвистка из Института языков Министерства обороны, расплакалась на моей выпускной не от радости, а от чувства вины — мой русский был настолько плох, что она считала, будто подвела страну.

Во время моей работы в качестве инспектора по вооружениям в Советском Союзе я не столько говорил по-русски, сколько общался на русском.

Это было ужасно.

Слушать это было больно.

Но это давало результат.

И это актуально до сих пор. Когда в январе 2024 года меня без предупреждения попросили выступить перед 25 000 чеченских солдат в Грозном, я произнес импровизированную пятиминутную речь, которая войдет в историю как за свою смелость, так и за плохой русский язык.

Автор выступает перед 25 000 чеченских солдат, Грозный, январь 2024 года

То же самое можно сказать и о подобном непредвиденном моменте в начале этого месяца, когда я обратился к российским волонтерам, которые занимались доставкой гуманитарных грузов солдатам на фронте.

Мой русский был ужасен, но смысл моих слов был понятен, и русские (и чеченцы) полюбили меня за это.

Но «три слова»?

Да ладно вам.

Блин.

Твою мать, Гилберт.

Мой русский, может, и не Умопомрачительный, но, Ёлки-палки, когда я говорю по-русски, все русские, с которыми я общаюсь, считают меня Сногшибательным парнем.

Это уже семь.

Думаю, я знаю еще несколько.

Мы работаем по очень разным методологиям, что само по себе предопределяет результаты анализа.

Я большой поклонник того, чтобы люди были такими, какие они есть.

Доктороу любит подчеркивать свои академические заслуги, неоднократно подчеркивая, что его дипломы Гарварда и Колумбийского университета, которые, будучи одними из самых престижных в мире, как будто возносят его в особый класс элитных интеллектуалов, которые действуют на более высоком уровне, чем мы, простые подданные без дипломов.

Может и так.

Но я окончил суровую жизненную школу — я профессиональный аналитик разведки, закалённый жестокой реальностью: если я ошибусь, морские пехотинцы заплатят за мои ошибки собственными жизнями.

Я не думаю, что Доктороу когда-либо сталкивался с подобной дилеммой, защищая свои научные исследования.

Мои методологии — это проверенные временем инструменты, которые подчеркивают необходимость глубокого знания и понимания всех аспектов проблемы, прежде чем пытаться прогнозировать результаты на основе незначительных изменений в наборе данных.

Оценка достоверности и правдивости источников сильно отличается при допросе заключенных или шпионов, интерпретации смысла фрагментов перехваченных разговоров или распознавании деталей на нечетких фотографиях.

Сделать неправильную интерпретацию дипломатической депеши 1905 года означает получить комментарий на полях своей диссертации.

Ошибиться в оценке источника — будь то переоценить его или наоборот полностью проигнорировать, когда на самом деле он был правдив — означает, что родителям придётся писать письма с объяснением, почему Джонни больше не вернётся домой.

Так что простите меня, если Докторов вдруг начинает рассуждать о том, как комментарии в российских ток-шоу служат для него мерилom «реальной жизни» в современной России, а я при этом невольно называю его ослом.

Такая методология может пройти проверку в священных залах Гарварда или Колумбийского университета.

Но за это вас бы выгнали со смехом из зала для брифингов в Дэм-Неке, штат Вирджиния, где находится Школа разведки морской пехоты.

Вы правы, Гилберт. Мы работаем по совершенно разным методологиям, которые дают совершенно разные аналитические результаты.

Вы получили степень доктора наук (Ph.D.)

Я информировал генералов, президентов, премьер-министров и генеральных секретарей по вопросам, от которых зависела жизнь и смерть.

И они снова и снова возвращались ко мне за новой информацией.

Интересно, почему?

Гилберт приглашает свою аудиторию «посмотреть и проанализировать мыслительные процессы Риттера, потому что они наглядно демонстрируют, как этот весьма популярный публичный деятель в Альтернативных СМИ строит все свои суждения о современной России исключительно на основе того, что он слышит от командиров на передовой, включая руководителя дронавого подразделения, от государственных чиновников энергетического сектора и от представителей разведки. Для Риттера это вся российская общественность, которая полностью поддерживает войну, её ведение, коллегиальное правительство вокруг президента Путина и самого Путина».

Ну да.

Да.

Я так и поступаю.

То есть на самом деле всё чуть сложнее. Позвольте Гилберту помочь мне показать, насколько это сложно.

«Он [Риттер] говорит, что его не чествуют на RT, а он просто находится в турне по продвижению книги. Верно! И тут можно спросить: кто его издатель и кто на самом деле оплачивает организацию этих встреч?»

Гилберт размышляет о моём выступлении на программе *Judging Freedom* несколько недель назад, когда я находился в России в течение 19 дней (да, Гилберт — на два дня дольше, чем ты!).

Автор (справа) с судьей Наполитано (в центре) и Ларри Джонсоном (слева) наслаждаются пиццей в Москве, октябрь 2025 года.

Доктороу до сих пор возмущается тем, что я, Ларри Джонсон и судья Наполитано были приглашены на RT в октябре этого года на празднование их 20-летия. О, какой грех и позор — принять такое приглашение!

Но этот гнев/ревность («а где мое приглашение?» — кажется, спрашивает Доктороу) затуманивает его суждения. Моя поездка в Россию в ноябре не имела никакого отношения к RT, а была связана исключительно с промо-туром в поддержку книги.

На самом деле!

И раз уж Гилберт интересуется, то издателем русскоязычного издания моей книги "Дорога в ад" («Highway to Hell») является издательство "Концептуал".

Кто оплатил мне поездку?

«Он, безусловно, не платит за себя, — пишет Доктороу, — и это должно насторожить».

Любопытно, как Докторов, который тратит столько времени, чтобы впечатлить аудиторию своими академическими достижениями — якобы признаком более взыскательного ума, требующего фактической точности прежде, чем публично строить повествование, — смог сделать такое заявление.

Я ничего подобного не утверждал.

Если быть точным — было скорее наоборот.

Издательство "Концептуал" заключило стандартный издательский договор с моим американским издателем, который предусматривает аванс в размере 1000 долларов (равномерно разделенный между издателем и автором), а также роялти за проданные книги. Если весь первый тираж будет распродан, мой издатель получит 2200 долларов, из которых 1100 долларов поступят мне как автору.

Базовая математика.

Чтобы попасть в Россию для начала этого турне по презентации книги, я купил билет за свой счет (около 3000 \$ в обе стороны).

Я сам оплатил проживание в отеле (чуть более 2000 \$ за весь период пребывания).

Я оплатил аренду зала, работу съемочной группы, снимавшей мероприятие, и услуги синхронного переводчика, который помогал донести мои слова до русскоязычной аудитории (общая сумма составила около 2000 \$).

Я оплатил книги, которые мы раздали зрителям на презентации книги (около 800 \$).

Я оплатил представительские подарки в честь презентации книги (2500 \$).

Я сам оплатил.

Сочетанием средств, полученных от единомышленников, и собственных средств.

Идея о том, что моя поездка была полностью кем-то оплачена абсурдна до предела.

Поездка в Россию с презентацией книги никогда не рассматривалась как мероприятие, приносящее доход (я лично «потерял» более 4200 \$ на расходы, связанные исключительно с презентацией книги и не связанные с поездкой в Россию в целом, которая обошлась мне в сумму около 35 000 \$, которые я оплатил из собственных средств и пожертвований).

Но эта поездка никогда не была связана с зарабатыванием денег.

Речь всегда шла о том, чтобы вести диалог с Россией и российским народом об опасности ядерного оружия и необходимости контроля над вооружениями.

Каждый доллар/рубль, потраченный на поддержку этой миссии, был потрачен не зря.

«Я оплачиваю каждую поездку в Петербург из собственного кармана», — любит хвастаться Доктору.

Я тоже, Гилберт.

Я тоже.

Напряженность в отношениях между мной и Доктору нарастала уже более года, когда Гилберт решил поверить в худшее обо мне после рейда ФБР в моем доме в августе 2024 года. Я не знаю, когда именно Гилберт Доктору решил, что я человек, которого он может свободно порочить с точки зрения мотивов и компетентности в вопросах, касающихся России. В сентябре 2023 года, после совместного выступления на Press TV, где мы обсуждали текущую ситуацию на поле боя, Доктору написал в своем блоге: «Вчера вечером было приятно принять участие в программе Press TV «News Review» вместе с известным аналитиком и критиком войны в Украине Скоттом Риттером, где мы комментировали последние поставки американского оружия в Киев».

В июне 2024 года, когда правительство США изъяло мой паспорт в то время, как я готовился сесть на рейс в Россию из аэропорта JFK, Доктору написал осуждающую статью по этому поводу, подчёркивая важность свободы слова и опасности её подавления. Доктору отметил, что я «был приглашён как высокопоставленный гость и должен был выступить на Международном экономическом форуме», который планировалось провести 4 июня. По словам Доктору, я являлся «очень активным и широко слушаемым критиком внешней политики США, особенно в отношении России и войны на Украине», добавив, что «вес» моих высказываний «усиливается тем, что он когда-то был инсайдером и исполнителем политики США пару десятилетий назад», и подчеркнув, что «когда фрагменты его интервью транслируются российским государственным телевидением, они неизменно напоминают аудитории о его прошлом в американской разведке».

И всё же, всего через два месяца, когда ФБР провело обыск в моём доме по обвинению в том, что я якобы сознательно не зарегистрировался в качестве агента российского правительства, нарушив Закон о регистрации иностранных агентов (FARA), истинные чувства Доктору ко мне, наконец, проявились.

На следующий день после того, как ФБР провело обыск в моем доме, изъяв личную электронику и огромный архив личных документов, Доктору выпустил поток язвительных комментариев, которые, по-видимому, накапливались в течение некоторого времени по поводу меня и моих действий.

«С начала специальной военной операции России, — пишет Доктору, — Скотт был одним из самых ярких сторонников российских войск, почти каждую неделю рассказывая нам о том, что победа России и капитуляция Украины уже не за горами. Неудивительно, что он привлек к себе внимание огромной аудитории как в США, так и за рубежом».

Я предоставляю аудитории возможность проанализировать это заявление так, как она сочтет нужным. Мои заявления доступны для общественности, и я поддерживаю каждую свою высказанную оценку. Прогнозный анализ — это сложная задача, и никто не может быть прав на 100 % в 100 % случаев. Я более чем удовлетворен своими прогнозами и лежащим в их основе анализом. Так же как и Гилберт — по крайней мере, до того момента, когда высказываться об этом стало политически опасно.

«По ходу дела, — пишет Гилберт, — Скотт Риттер допустил серьёзные ошибки в суждениях, которые неизбежно привели к нынешнему обыску и, вероятно, к его предстоящему судебному разбирательству и осуждению».

Ух ты! Вот и вся забота о законном порядке.

Гилберт Докторов, почтенный академик Лиги Плюща и всеведущий пророк по вопросам России, сам назначил себя судьёй, присяжным и палачом, когда речь заходит о моих «преступлениях».

Мой самый тяжкий грех, по мнению Доктору? Моя неспособность «понять, что представляет собой правильное поведение по отношению к публично признанному противнику Соединенных Штатов, которым сегодня является Россия, так же как был Советский Союз в дни первой холодной войны».

И это ещё не всё: «Риттер сам себя похоронил, когда вчера вечером в видео, опубликованном в интернете, признался, что принимал «вознаграждение» как от RT, так и от Sputnik — новостных агентств, финансируемых российским правительством».

Но человек, который когда-то успешно шерстил российские архивы в поисках ключей к поведению Государственной думы образца 1905 года, теперь применяет накопленную таким образом «мудрость» к своему следующему пророчеству:

«Скорее всего, это будут не единственные обвинения в нарушении Закона о регистрации иностранных агентов (FARA), которые ему предъявят, когда дело дойдёт до суда. Он также принимал оплаченные российской стороной поездки в Россию и по России — сначала от издателя одной из его книг в русском издании, а затем от группы ультранационалистов, связанных с философом и политическим активистом Дугиным. Их финансовые отношения с российским правительством непрозрачны. Это тоже свидетельствует о сознательном пренебрежении правилами и обязанностью журналиста сохранять объективность. То, что объективность Риттера была подорвана, стало совершенно очевидно по его восторженным отчётам о России после возвращения в США».

Невежество может быть блаженством, но это все равно невежество.

Я регулярно выступал в качестве комментатора на каналах RT и Sputnik, где предоставлял письменные и видеокomentarии по актуальным новостным темам.

Так же, как я был и являюсь постоянным автором таких американских изданий, как *Consortium News*, *The American Conservative*, *TruthDig*, *The Washington Standard*, *The Huffington Post* и *Energy Intelligence*.

Никаких законов нарушено не было.

Все доходы были задекларированы, а налоги уплачены.

Извини, Гилберт.

Принятие оплаченной российскими принимающими сторонами поездки в Россию также не является преступлением — при условии, что эти принимающие стороны не находятся под санкциями Соединённых Штатов.

Автор в Луганске с военным сопровождением, январь 2024 года

В 2023 и 2024 годах я был приглашенным гостем Александра Зырянова, российского бизнесмена из Новосибирска. Эти поездки носили журналистский характер: первая была связана с публикацией моей книги «Разоружение во времена перестройки» (издательство «Комсомольская правда»), а вторая — с моим визитом в Чечню, Крым и Новую Россию (Херсон, Запорожье, Донецк и Луганск), где я освещал реальность войны.

В этом тоже нет ничего противозаконного.

Извини, Гилберт.

И я понятия не имею, о чем говорит Гилберт, когда упоминает Александра Дугина и «крайних националистов».

Я встретил Александра Дугина в гримерной российского телеканала, где он должен был выйти в эфир после моего интервью.

Вот и все.

ФБР, по-видимому, больше всего интересовали мои отношения с российским посольством, поскольку я несколько раз бывал там, чтобы пообедать с послом России Анатолием Антоновым или принять участие в торжествах, таких как День

защитника Отечества, День Победы и День России, в качестве гостя.

ФБР проявило особый интерес к статье, которую я написал о русофобии в начале 2023 года, в которой использовались материалы, написанные послом Антоновым. По мнению ФБР, эта статья свидетельствовала о том, что я действовал по указанию российского правительства, что делало меня де-факто российским агентом.

Впоследствии дело ФБР было закрыто.

Судебного разбирательства не было.

Приговора не было.

Еще раз извини, Гилберт.

Поскольку Гилберт не смог обвинить меня в преступлениях, связанных с законом о регистрации иноагентов, сегодня он атакует мои источники и методы, когда речь заходит об оценке России и SMO. Доктору выделил мои отношения с генерал-лейтенантом Апти Алаудиновым. Короче говоря, Доктору имеет «обоснованные сомнения относительно ценности использования таких неформальных каналов, как Алаудинов».

Как отмечает Доктору, «во время сражения за Бахмут мы часто видели Алаудинова в новостях и ток-шоу «Шестьдесят минут». Каждый день ведущая Ольга Скабеева тепло приветствовала его в эфире, а он вел себя очень достойно, оптимистично говоря о прогрессе России, но не давая никаких конкретных сведений, которые могли бы пригодиться врагу. Одним словом, он держал рот на замке».

Проблема, по-видимому, не в генерале Алаудинове, а в том, что я использую его в качестве источника. «Мне трудно поверить, — считает Гилберт, — что такой профессиональный солдат и патриот предоставил бы что-либо полезное иностранцу, каким бы дружелюбным он ни был по отношению к России».

Автор (слева) берет интервью у генерала Апти Алаудинова, август 2025 года.

Дело в том, что я взял несколько официальных интервью у Апти, на которые я опираюсь в своей информации.

Извини, Гилберт.

Но не стоит беспокоиться — у Гилберта есть свои источники. «Вчерашний выпуск ток-шоу «Большая игра» показал совершенно иную картину конфликта в Курске, чем та, о которой говорят мои коллеги, и о том, к чему может привести эта прокси-война СЕЙЧАС, а не в каком-то отдаленном будущем.

Ключевой фигурой в этом обсуждении был Франц Клинецвич, указанный в видео как лидер Российского союза ветеранов Афганистана. Статья в Википедии о нем также сообщает, что после многих лет работы депутатом Государственной думы он теперь является членом Совета Федерации Федерального собрания. Он представляет городскую администрацию Смоленска, расположенного в западной части Российской Федерации, где он человек не чужой — ведь родился он буквально через границу, на территории нынешнего независимого государства Беларусь.

В течение 22 лет, до 1997 года, Клинецвич был офицером Вооруженных сил России, служа в основном в парашютно-десантных войсках, а это значит, что он смелый человек и знает, что такое сражение. Он ушел в отставку в звании

полковника, но продолжил военное образование в Военной академии Генерального штаба, которую окончил в 2004 году. Он также имеет докторскую степень по психологии и является одаренным лингвистом, владеющим немецким, польским и белорусским языками. Он является членом руководящего комитета правящей партии «Единая Россия». Я привожу эту информацию, чтобы подчеркнуть, что Клинецвич — не обычный «болтун», а очень авторитетный источник.

И его мнение о «Большой игре» является тем открытым источником информации, на который я опираюсь, когда высказываюсь по поводу текущих событий в России.

Классно.

Я впечатлен.

Почти...

Возможно, сейчас не время упоминать, что я был гостем как в программе «60 минут», так и в «Большой игре».

Или что я лично встречался с Францем Клинецвичем. Я брал у него интервью и несколько раз беседовал с ним о СВО, о проблеме Афганистана и о том, как Россия относится к ветеранам прошлых войн.

Автор (в центре) с Францем Клинецвичем (справа) и Абдуллой, другом из Дагестана (слева)

Видите ли, Гилберт, я не полагаюсь на «открытые источники».

Я полагаюсь на свои собственные оценки, основанные на прямом доступе к источникам, которым я доверяю, чтобы сформулировать свой независимый анализ.

Гилберт принижает значение моих источников, называя их «представителями Russia Today, сотрудниками Министерства иностранных дел и отставными российскими генералами».

Я действительно общаюсь с такими людьми.

Но это, конечно, не предел моих возможностей.

В августе этого года я провел почти 30 отдельных интервью с ключевыми российскими деятелями, в том числе с отставными полковниками и генералами, нынешними и бывшими политиками, журналистами, художниками и экспертами всех мастей.

Буквально в этом месяце, во время моего 19-дневного визита, я взял интервью у еще 10 известных россиян.

Я также встречался с обычными россиянами в барах, за столом, на их рабочих местах.

Я встречался с женщинами и пенсионерами, которые добровольно тратят свое время и деньги на оказание гуманитарной помощи войскам на передовой.

Я встретил отважных людей, которые на своих машинах едут на передовую — красную линию — чтобы доставить эти грузы, подвергая себя большому риску.

Одним словом, я встретил Россию.

Во время ужинов, устроенных Питером Хензелером в ресторане Cantinetta Antinori, я рассказывал о своей работе в России.

Источник моей гордости как по-настоящему независимого журналиста.

Тот факт, что я работал, не подчиняясь никакому внешнему влиянию — ни финансовому, ни редакционному.

Тот факт, что моя работа в России была организована частным лицом — Александрой Мадорной (чей труд я оплатил), а не какой-то государственной или негосударственной структурой.

Питер собрал гостей, достойных этого случая — судью Наполитано, Ларри Джонсона, Гарланда Никсона, а также своих коллег и знакомых, в том числе Дениса Добрину, Леонида Сошникова и Огюста Максима. К нам также присоединился Кирилл Соколов, волонтер, доставлявший гуманитарные грузы солдатам на передовой, а также жена Питера, Маша, и моя продюсер Александра. И иранский специалист Сайед Мохаммад Маранди.

Дискуссионная группа в ресторане Cantinetta Antinori, октябрь 2025 года: (слева направо): Денис Добрин, Мохаммад Маранди, Питер Хензелер, Леонид Сошников, автор, Маша Хензелер, судья Наполитано и Ларри Джонсон.

Беседы были глубокими, коллегиальными, сложными, а иногда и почти конфронтационными (вопреки распространенному мнению, мы не все единодушны по каждому вопросу!).

Мы разобрали российское общество на части и собрали его заново.

А потом сделали это снова.

И еще раз.

Мы сделали это в поисках истины, которая в России является столь же недостижимой целью, как и везде, хотя бы потому, что существует так много разных мнений о том, как интерпретировать разнообразный набор фактов.

Мы не во всем соглашались.

Но в одном вопросе мы были единодушны:

Гилберт Доктороу — проблемный человек.

Или, говоря языком морских пехотинцев, придурок, полный дерьма.

О, какая клевета!

Я только что вернулся из 19-дневной поездки по России, где проводил интервью с известными россиянами, чтобы помочь запечатлеть российскую реальность и донести ее до американской аудитории. Эта статья была написана под впечатлением от этой поездки, которая в основном была финансирована за счет щедрых пожертвований вас, читателей. Если вы хотите читать больше подобных статей, пожалуйста, подпишитесь. А если вы хотите помочь организовать больше таких поездок, пожалуйста, сделайте пожертвование (следующая поездка автора в Россию запланирована на март-апрель 2026 года).

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Доктороу, Гилберт Риттер, Скотт